

СЕКРЕТЫ РУССКОЙ
ДУШИ

Читайте в серии:

Холод

Стенные боги

Мы можешь

Десять историй о любви

Дом на Озерной

Рахиль

Андрей
ГЕЛАСИМОВ

Рахиль

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
Г31

Разработка серии *А. Саукова*
Иллюстрация на обложке *И. Хивренко*

Геласимов, Андрей Валерьевич.
Г31 Рахиль / Андрей Геласимов. — Москва :
Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Секреты
русской души. Проза Андрея Геласимова).

ISBN 978-5-699-87594-8

Пожалуй, нет смысла пересказывать сюжет «Рахили» А. Геласимова. Вряд ли история обаятельного пожилого профессора-филолога, от которого ушла молодая жена, может стать приманкой для искушенного читателя. Но невозможно не рассказать о том, какое воздействие оказывает текст, жанр которого автор определяет как «роман с клеймами». В этих клеймах сосредоточены полнота и острота жизни, ее вкус и аромат, ее высота и ее бездна, ее ирония и поэзия, ее незащитность и уязвимость. Читая «Рахиль», вы обнаружите, что в вашей душе есть та струна, которой никогда и никто до Геласимова не касался. Оказывается, она способна издавать нежное звучание: смесь восхищения и слез.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87594-8

© Геласимов А., текст, 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ДИНА

Он говорит — интересно, где ты это взяла. А я говорю — интерес, интерес, выходи на букву эс. И столкнула Люсю с дивана. Потому что профессор на кровати тогда спать уже не ложился. Думал, что Люся будет продолжать ему туда гадить. Но она ведь тоже не дура. Поняла, что к чему, и начала присматриваться к его дивану.

Поэтому я говорю — смотрите, какая клееночка. И совсем не похожа на детскую. Те ведь такие коричневые. Никто не подумает, что это вы писаетесь. Он смотрит на меня из своего кресла и говорит — кто не подумает? Ко мне не приходит никто. Я говорю — ну, не знаю. Вы же сами стеснялись детской клеенкой застилать. Он говорит — я не из-за этого стеснялся. Подай мне, пожалуйста, валидол.

И замолчал со своей таблеткой.

А я пошуршала клеенкой и пошла на кухню Люсю кормить. Только Люся еще не знала, что у меня нового для нее ничего нет. И стукалась об мои ноги, как будто у меня было. Лоб твердый, как бильярдный шар.

Я однажды оперлась на стол, а Володька в этот момент ударил. И шар прямо мне в косточку. Вся рука потом так опухла. А Володька говорит — извини, из-

вини. Я думаю — ага, извини. Тебя бы так кто-нибудь. У самого ручища как танковый ствол. Какой там бильярдный — можно для кегельбана шаром колотить. Все равно ничего не будет. Как схватит. У профессора совсем не такие руки. Интересно, в кого это Володька пошел?

Я открыла холодильник и говорю — ехала машина темным лесом за каким-то интересом. Инти, инти, инти, рес, выходи на букву эс. А Люся меня послушала и догадалась, что ей ничего не светит. Хотя я совсем не для нее эту песенку говорила. Просто на ум пришло. Но Люся — умная кошка и умеет понимать голоса. И в моем голосе, видимо, было, что ничего для тебя, Люся, у нас нету. То есть у меня. Чем бы тебя, тварь этакую, покормить?

Потому что у профессора для Люси давно уже ничего не было. Если бы он мог, он бы ее вообще сбросил с балкона. Но он не мог. Потому что профессора кошек с балконов не бросают. У них другие занятия. К тому же Люся все равно бы вернулась. Если кошка начала гадить кому-то на постель, она просто так не успокоится.

Это еще мама сказала, когда отец стал совсем сильно пить.

Может, она и сейчас так говорит, но мне уже не интересно. Я теперь в профессорской семье. Правда, самого профессора в этой семье что-то не видно. Тут у всех в голове тоже свои тараканы.

А эта умная Люся разворачивается и с презрительной улыбкой уходит из кухни. Такая оскорбленная Принцесса Лебедь. Как в мультике. Или в балете. Я уже не помню. В общем, такая Майя Плисецкая. Но я же не виновата. Я специально ради нее заскочила в универсам, а там оказался этот мальчик.

Просто у меня правило — за один раз только один предмет. Будь там хоть миллион всего в ассортименте. Пусть даже самое-самое. Пусть даже английское печенье. С кусочками шоколада и облепленное орехами. И такое мягкое, что почти не хрустит. Хотя врач сказала — жидкости надо поменьше. Не больше одного литра в день, а то ноги уже отекают. А с этим печеньем столько всего напешься, что не запомнишь — литр там или не литр. Поэтому — строго одно наименование.

Ну и не только поэтому.

А тут этот мальчик. Года четыре на вид. И такой весь батон. В четыре года дети — очень батоны. Стоит там у себя внизу на своих маленьких ногах и шепчет что-то маме, у которой в корзинке маргарин «Рама» и хлеб. На цыпочки поднимается. И вид у него заранее виноватый, как будто он вот уже знает, что ему откажут, но удержаться и не попросить тоже нет сил. Потому что ему всего лишь четыре года, и он весь такой вот батон, и значит, у него еще имеется его волшебное право попросить даже тогда, когда совсем нельзя. Которое потом кончится. Стоит только чуть-чуть подрасти. И деньги у родителей вроде бы уже появились.

Я посмотрела на них немного и думаю — ну, покажи мне, чего ты хочешь. Сегодня я твоя фея. Люся «Вискас» и так жрет почти каждый день.

Но он, блин, совсем маленький и показывает как-то непонятно. Я смотрю осторожно в ту сторону и не очень-то понимаю — то ли малиновый джем, то ли компот из вишен. Вижу только, что мамаша с маргарином головой ему уже дала от винта. Я про себя

говорю — не вешай нос, челдобречик, покажи мне еще раз. И он поднимает руку.

Но все равно непонятно.

Они ушли к кассе, а я стою у этой полки и думаю — компот или джем?

Я лично за вишенки. Мама только по большим праздникам покупала, и можно было косточками плевать с балкона во всяких лысых людей.

Компот или джем?

С другой стороны, джем можно намазывать на булку, и поэтому его хватит на несколько дней. А вишни улетят за десять минут. Ну, плюс еще полчаса с косточками на балконе.

Блин, если бы не мое правило!

Одного еврея спросили — вам бутерброд с маслом или с мясом? Он отвечает — с мясом. Такая умница.

Наш профессор тоже еврей. Но совсем не умный. То есть как профессор, наверное, умный, а как еврей — не очень. Живет никому не нужен, и в квартире у него — шаром покати. Нарочно сам все так сделал. Мог бы совсем по-другому жить.

Короче, если бы не мое правило, я бы и Люсю, наверное, не обидела.

Компот или джем, на фиг?!!

Я поворачиваю голову и смотрю — есть ли камеры. Вроде нету. Тогда я начинаю считать их пальцем. Эти банки. Мне так удобнее. Когда в детстве для прятков считались, обязательно тыкали пальцем в грудь. И я считаю — ручки, ножки, агу, речик, воты, вышел, челдо, бречик.

Получился малиновый джем.

Я обернулась еще раз и взяла вишни. Мало ли что эти дурацкие считалки могут сказать.

На кассе никто ничего не заметил, и я выскочила на улицу. Эти двое уже шли к остановке.

Смотри сюда — я этому батону говорю, пока его мамочка отвлеклась на какие-то объявления. Квартиру, наверное, хотела снять. Видишь?

Он посмотрел на банку и улыбнулся. Я думаю — значит, все-таки вишни.

Я говорю — бери. Он берет и тихим голосом говорит — спасибо.

И потом через десять секунд она мне кричит в спину — девушка! А я думаю — нормально придумала. Где ты видела девушек на восьмом месяце? Я — фея.

Но зато Люсю теперь кормить было нечем. Хорошо хоть забежала в универмаг и взяла у них там клеенку. Большая, правда, оказалась, зараза. Пришлось тащить ее из кухонного отдела в примерочную. Еле-еле пальто застегнула, хоть оно и на два размера больше. Но Люсю можно уже не бояться. Помыл клееночку — и заново постелил. Только сидеть на диване будет немного странно. Как на столе. Она ведь в цветах. И попе, наверное, скользко.

У нас в школе англичанка любила так наряжаться. Тоже вся разноцветная. Отец ее как увидел, запел «Яблони в цвету» композитора Мартынова. Прямо в школьном коридоре. Он ведь не знал, что будет родительское собрание, и успел после работы клюкнуть. Но мама сказала, что он совсем не занимается моим воспитанием, и поэтому ей пришлось потом бить его по затылку газетой. Чтобы он перестал петь.

Англичанка по кличке «Тугеза». Разучивала с нами замечательные стихи.

«Маза, фаза, систе, браза, хэнд ин хэнд виз ван эназа».

А потом стояла грустная у окна и куда-то смотрела, пока мы бесились, как черти. Ощущение было, что звонка она ждет гораздо сильнее, чем мы.

Потому что мы-то его вообще не ждали. Нам и так было нормально. Однажды на шум влетел директор школы. Орал на «Тугезу» прямо при нас.

И тут профессор тоже вдруг начинает кричать из своей комнаты — Дина. И потом еще раз — Дина. Как будто пожар. Или как будто Дина значит — боже мой, как я устал от этой жизни. Я захожу к нему и говорю — ну а зачем вы клеенку-то, блин, убрали? Я ее специально ведь для этого принесла. А он говорит — совсем обнаглела. Я говорю — я, что ли? Он говорит — Люся. Прямо у меня на глазах запрыгнула на диван.

Я пошла в ванную за тряпкой и думаю — это она из-за меня. Отомстила за то, что я «Вискас» не принесла. А профессор идет за мной и говорит — ты знаешь, зачем человек воспитывает в себе хороший вкус? Я говорю — не знаю. Подвиньтесь, пожалуйста, мне надо пройти. А он говорит — за тем, чтобы постоянно страдать от окружающей его вульгарности. Я говорю — надо же, как интересно. А он продолжает — мазохизм это совсем не то, что придумал забавный господин Мазох. Австрийский затейник, со своими шлепками по заднице, просто дурачился, вспоминая веселые киндергартеновские времена. Настоящая суровая ненависть к самому себе господину Захеру даже не снилась. Сидел и сочинял непонятных теток, которым нужно неизвестно что.

Я говорю — кто сочинял?

Профессор смотрит на меня, а потом поднимает указательный палец и говорит — подлинный самоненавистник воспитывает в себе хороший вкус. Он понимает, как сделать себя уязвимым.

И тогда я говорю — вы специально, что ли, клеенку с дивана убрали?

Всегда подозревала, что у него не все дома.

Вера говорит, он когда-то работал в психушке. То ли санитаром, то ли еще неизвестно кем. Врет, может, конечно. Ей обидно, что он ее бросил после двадцати где-то совместных лет. Но зато у нее остался Володька. И теперь я. Хотя насчет меня еще не факт — большое ли это для нее утешение. Для меня было бы небольшое. Интересно, передается ли это по наследству? Я имею в виду — уходить от жены после двадцати лет. Потому что я тогда этого Володьку лучше прямо сейчас убью. Зарежу ночью в постели. Утром он просыпается, смотрит, а сам уже мертвый. Ужасно смешно.

Профессор говорит — не нужна мне, Дина, твоя клеенка. Я хочу, чтобы Люся перестала ходить мне на постель. Я ему отвечаю — она куда хочет, туда и ходит, а клеенку вы убрали совершенно напрасно. Мне ее не так легко было из магазина забрать. А он говорит — и ты к тому же воруеть.

Конечно, ворую. Что мне делать еще?

Но я говорю — да перестаньте. Он говорит — уже перестал. А по глазам видно, что перестать он не может. Его доканывает быть родственником у воровки. Он же, типа, профессор.

Я говорю — вы вот профессор, а не понимаете сложностей переходного этапа. Он говорит — ты о чем? Я говорю — вы когда Белый дом защищать к

этому Ростроповичу с автоматом ходили, разве не понимали, что вам потом все равно зарплату по полгода не будут платить? Ростроповичу будут, а вам нет. Он смотрит на меня и говорит — не было у меня автомата. Я говорю — да не у вас, а у Ростроповича. Я по телевизору видела. Что вы к словам цепляетесь? Он говорит — странная ты какая-то. При чем здесь это? Я говорю — а при том. Просто надо уметь выкручиваться. Ростроповичу уже, например, не надо. Вот он с автоматом и ходит. А вам лучше бы научиться. Он говорит — я профессор литературы, и у меня очень большое сердце. Я говорю — да знаю я все про ваше сердце.

Как в песне Леонида Утесова. Которая поется козлиным голосом.

«Спасибо, сердце, что ты умеешь так любить».

Директор школы, когда из семьи ушел и на «Тугезе» женился, тоже, наверное, таким голосом разговаривал.

После пятидесяти мужикам надо делать чик-чик. Яйкам в штанишках становится туговато. Но они, гады, при этом говорят: «Спасибо, сердце». Видимо, в школе плохо учились. Не просекли по анатомии — что у них где.

А так были бы как коты после операции. Огромные, теплые и пушистые. И что с того, что не очень игривые?

Жрут, правда, много.

Я смотрю на профессора и говорю — не знаю, чем теперь Люсю кормить. Он отвечает — мне все равно. Можешь выбросить ее с балкона. Я говорю — нет, это вы сами. Кошка ваша, и гадит она не мне, а вам на постель. Профессор помолчал немного и потом

говорит — мне сказали, что это очень плохая примета. Я говорю — ну да. Ничего хорошего. Только вы ведь профессор. Не будете же вы верить в приметы.

А он говорит — да, да, конечно. Но голос у него какой-то задумчивый. Не совсем такой, как у тех, кто в приметы не верит. Те на любой вопрос отвечают по-пионерски.

Оптимисты долбаные.

Я, кстати, и сама еще успела пионеркой побыть. Пока Горбачев всю эту советскую лавочку не прикрыл. Меня как раз «Тугеза» в них принимала. Уставилась на своего директора и галстук этот мне на шею так затянула, что я начала кашлять. Любовь, блин.

Только я-то здесь при чем?

А профессорскую «тугезу» звали Наташа. Она у него студенткой была. Пионерский галстук на шею никому не затягивала, но за профессора взялась так, что у него все болты в голове с резьбы полетали.

Взвились кострами темные ночи.

А когда он ей надоел, она к какому-то кагэбэшнику от него ушла. Кажется, тоже старпёр. Все «тугезы» заточены под старпёров. Им с ними прикольно. Типа, такие папашки.

А у профессора теперь клин. То он от любви страдает, как Тристан и Изольда, то боится, что скоро умрет. Вера взяла и помыла полы после него, как после покойника. А он, хоть и говорит, что не суеверный, когда узнал об этом, начал за сердце хвататься. Где, говорит, мой валидол. Разве, говорит, можно так с живыми людьми обходиться.

Конечно, можно. Станный какой.

Да тут еще Люся. То есть примета на примету.

В общем, я смотрю на него и говорю — вы мне что-то сказать хотите? Потому что он губами шевелит, а звуков я никаких не слышу. Как будто оглохла или как будто немое кино. Только себя-то я слышу нормально. Не в голове же у меня мой голос звучит. И поэтому я опять говорю — не слышно. Что вы хотите? Может, у вас голос пропал? А он начинает шарить вокруг себя руками. Везде, куда дотягивается со своего кресла. Ищет что-то, наверное. Я говорю — вам подать что-нибудь? Вы скажите. Чего молчать-то? Я принесу. А он рот открывает, и — полная тишина. Фильм ужасов, блин, какой-то. И потом у него глаза начинают закатываться. Я смотрю на него и думаю — сбывлась, на фиг, примета. То есть сразу две.

Может, не надо было к нему заходить? Нашли бы его завтра, и всем было бы проще.

Хотя кто бы его нашел, кроме меня?

Але — говорю в трубку — «Скорая»? Вы приезжайте скорей. А то у меня тут человек умирает. Я лично понятия не имею, что с ним делать, если он сейчас ласты загнет.

А на следующий день — вся эта кутерьма с книгами. Выбрать ведь практически невозможно. Интересно, для кого их столько печатают? Даже профессор, наверное, так много не прочитал. В общем, то в медицинский отдел зайду, то в «Живую природу». И продавщицы все такие ухоженные.

Про кошек очень интересные книжки. С иллюстрациями. Еле оторвалась — штук десять, наверное, пролистала. Но сильно большие. По медицине томики выносить гораздо удобней. Вернее, один томик. Потому что два сразу я ни за что в жизни не буду брать. Сама решила, что это плохая примета. Про-

фессор чуть не умер однажды, когда увидел, как я маслины беру. Банки три, кажется, или четыре.

А раз решила, то вот и верю теперь.

Обязательно надо во что-то верить. Профессор говорит, что хочет поверить в Яхве. Полдня мне однажды вкручивал на тему своей персональной избранности. А я ему говорю — вы же только наполовину еврей, и не обрезаны, наверное, даже. Он говорит — ну и что. Все равно я в рай попаду. За меня другие евреи молятся. Я ему говорю — ну, давайте.

А теперь хожу из отдела в отдел и никак не могу решиться — что брать. То ли про кошек, то ли про болезни сердца. Да тут еще на весь магазин из динамиков рассказывают про известную во всем мире группу «Битлз». Таким вкрадчивым голосом.

Володке лучше даже не знать. С ума сойдет, когда про эту книгу услышит. Дома на каждой стене — по Джону Леннону. Все большие и все в очках.

В общем, я стою с книжкой про гепардов и слушаю песню.

А они поют: *«Конь тугеза. Райт нау. Оувами»*.

То есть клевая песня. Но непонятная. Я думаю — надо профессора про нее спросить. Он «Гамлета» читает в оригинале.

Но профессор отвечать на мои вопросы не захотел. Ему было интересно — зачем я принесла эту книгу.

Я говорю — как зачем? Нам же надо повадки их изучать. Как у них там чего, и так далее. Чтобы Люсю отучить вам на постель гадить. А иначе мы ни фига не узнаем. И она будет продолжать делать свои дела. Вы разве сами меня об этом вчера не просили? Он говорит — книги из магазинов воровать не просил. Я го-